

[Главная](#) > Эрнст Карл Вебер - швейцарский исследователь Восточной Сибири

Наши люди
СТАТЬИ ПО ТЕМЕ

Эрнст Карл Вебер - швейцарский исследователь Восточной Сибири|Explorateur suisse de la Sibérie orientale

Автор: Лейла Бабаева, Цюрих, 3. 02. 2016 Просмотров:1109

Сибирь не любит шуток, исследовать ее в начале XX века мог решиться не каждый (naturelight.ru)

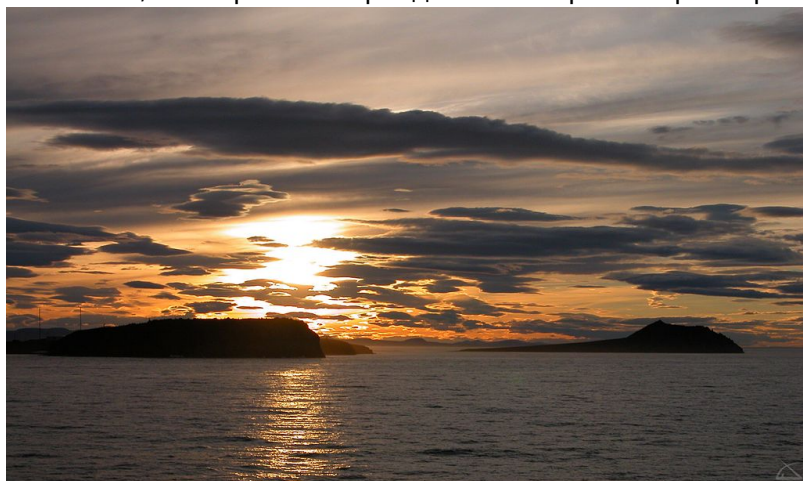
Не сразу и не вдруг открыли для себя Восточную Сибирь и Дальний Восток россияне. Несмотря на то, что де-факто империя давно устоялась, а покорение Сибири началось еще в XI веке, когда кочи новгородцев совершали первые попытки открытия Северного морского пути, десяткам, а то и сотням отважных мореплавателей, путешественников, первооткрывателей

пришлось совершить в XVII-XX веках настоящие подвиги для освоения навигации вдоль побережья Северного Ледовитого океана. От этого судоходного пути зависела судьба многих народов, населявших просторы необъятной страны, от него же зависело будущее экономического развития края. Поставки продовольствия, техники и материалов в районы Крайнего Севера и вывоз отсюда пушнины и полезных ископаемых – все это могло быть осуществлено после прокладки надежных судоходных путей.

Неудачи российского флота в период Русско-японской войны 1904-1905 годов отчасти объяснялись слабым транспортным сообщением с отечественным Дальним Востоком – единственным способом доставки грузов по морю был обходной путь через Индийский океан, что делало какие-либо значительные поставки практически невозможными. Россияне стали искать альтернативу дорогостоящему южному маршруту, и свои взоры устремили к Северо-Восточному проходу, как тогда называли Северный морской путь. К концу XIX века, несмотря на значительную работу в области картографии «преданных забвению» северо-восточных окраин империи, собранные сведения все еще были очень скудными.

Исследовать эти области предстояло ученому-полярнику Иннокентию Павловичу Толмачеву (1872-1950), который в свое время внес неоценимый вклад в развитие русской геодезии и картографии. Помогал Толмачеву в его Чукотской экспедиции швейцарский астроном и геодезист Эрнст Карл Вебер, человек не менее удивительной судьбы.

Они были уникальными людьми – первые покорители Арктики и Антарктики. Это сегодня можно отправиться в комфортабельный тур к Южному полюсу – полноценное питание, отличная погода и масса острых ощущений обеспечены. А в конце XIX века решиться на подобную экспедицию было все равно что поставить на карту свое здоровье, будущность, даже жизнь. В обмен на что? Чтобы их именами назвали затерянные в Ледовитом океане скалистые мысы, покрытые вечной мерзлотой, где-то там, в бескрайних просторах дикого севера, в вечном безмолвии белой пустыни? Для них существовали другие ценности. Первооткрыватели были словно высечены из камня, отлиты из бронзы, подобные древним викингам, бесстрашно бороздившим морские просторы на своих ладьях.

Детство Эрнста Карла Вебера, впрочем, вовсе не сулило ему славы покорителя Арктики. Родился 22 октября 1880 года в Цюрихе. В школе был способным учеником и хорошим товарищем, проявлял любознательность и сообразительность. Один из его одноклассников позже вспоминал, что Карл охотно помогал ему с домашним заданием, если тот не успевал его подготовить, пишут историки Х. Келлер и Ф. Кобольд в своем очерке «Швейцарский вклад в исследование побережья Ледовитого океана в Северо-Восточной Сибири».

С раннего возраста Вебер интересовался окружающим миром, жизнью и бытом простых людей. Уже в гимназии вступил в клуб трезвенников «Прогресс», в университете присоединился к

аналогичной организации «Либериас». всю жизнь был противником спиртного и даже в самых, казалось бы, располагающих обстоятельствах не отказывался от своих принципов. Уже в преклонном возрасте он говорил, что без строгого воздержания от алкоголя ему едва ли удалось бы выжить в экспедициях.

Тягу к науке Карл унаследовал от отца. Генрих Фридрих Вебер (1843-1912) родился в немецком городе Магдала (земля Тюрингия). Был ассистентом в Политехнической школе города Карлсруэ (земля Баден-Вюртемберг) и в Берлинском университете. Позднее преподавал физику в Федеральной политехнической школе Цюриха (в числе его «воспитанников» был Альберт Эйнштейн), пользовался большим уважением среди коллег и студентов, а со временем занял кресло президента Федеральной метеорологической комиссии (в этой должности оставался до конца жизни). Опубликовал работы по оптике и термодинамике.

Отдав полтора года работе в Швейцарской геодезической комиссии (Цюрих), Карл Вебер принимал участие в предварительных исследованиях, проводившихся перед постройкой железной дороги на Монблан.

Ветер странствий, видимо, манил его неудержимо – и, поскольку утечка мозгов имела тогда иной вектор, он, как и многие швейцарцы тех лет, обратил свои взоры к России.

В 1908 году приехал в Санкт-Петербург, где работал в главной астрономической обсерватории Российской академии наук в Пулково. Именно в эти годы в правительственных кругах заговорили об изучении 6000-километрового побережья Северного Ледовитого океана.

Морской министр, вице-адмирал А. А. Бирилев представил Николаю II доклад «... О необходимости продолжения гидрографических работ в Северном Ледовитом океане для открытия морского сибирского пути, так называемого Северо-восточного прохода, расположенного в наших территориальных водах, весьма важного для стратегических и экономических интересов России».

Для изучения возможности мореплавания вдоль побережья Сибири было решено построить два ледокола (Россия стала пионером разработок и строительства полярных кораблей ледокольного типа). Совет министров и Финансовая комиссия Государственной думы несколько лет обсуждали детали экспедиции, размер бюджета для ее реализации, пишет исследовательница Ольга Красникова на страницах журнала «Наука из первых рук». Для прокладки судоходных путей необходимо было, прежде всего, собрать как можно более полные сведения о топографии побережья Северного Ледовитого океана. Вначале речь шла о том, чтобы разведать условия плавания в районе Таймырского полуострова, но стало ясно, что большую важность представляет вопрос о необходимости торгового мореплавания из Тихого океана до устьев рек Колымы и Лены и, следовательно, об исследовании побережья от устья Лены до Берингова пролива.

Этот громадный регион, несмотря на карты, составленные в 20-е годы XIX века бароном Ф.П. Врангелем и позднее во время многочисленных гидрографических экспедиций на север России, оставался в начале XX века еще очень плохо изученным.

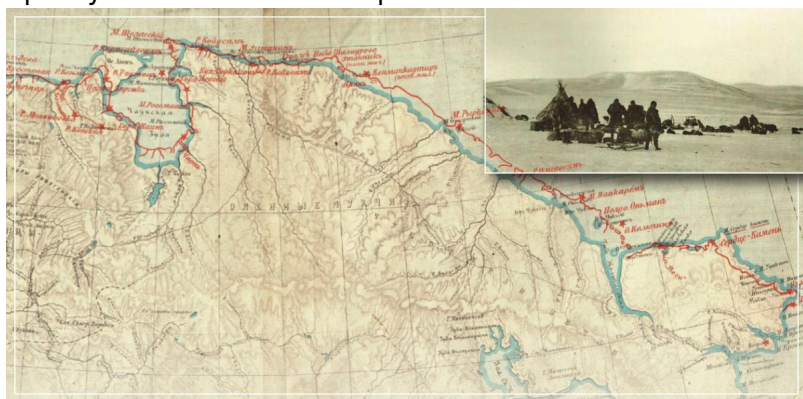
Лишь в феврале 1909 года финансовые трудности были разрешены, но экспедиции пришлось разделиться на две части: к чукотскому отряду под руководством Толмачева присоединились топограф М.Я. Кожевников и Эрнст Карл Вебер, а Ленско-Колымский отряд возглавил К.А. Воллосович. Времени на подготовку и снаряжение экспедиции совсем не оставалось. Собрать в срочном порядке необходимые инструменты для съемки (теодолиты, хронометры и пр.), книги, карты и провизию помогли частные лица, заинтересованные учреждения, губернатор Якутской области.

Отряду Толмачева предоставили исследование самой сложной части побережья от устья Колымы до Берингова пролива. В своей записной книжке Вебер написал: «Перед нами открылся невыразимо суровый мир». Однако изнеженного западным комфортом ученого привлекала эта суровость и дикость, даже несмотря на то, что условия проживания в экспедиции разительно отличались от тех, к которым он привык, а термометр нередко показывал 60 градусов мороза. В экспедиции Вебер выполнял астрономические и топографические измерения, результаты которых были использованы при составлении первой достоверной карты побережья Восточной Сибири: от устья Колымы до мыса Дежнева.

Добравшись из Петербурга до Иркутска на поезде, ученые двинулись дальше на обитых мехом, широких и глубоких санях. В пути они страдали от бездорожья, халатного отношения содержателей почтовых станций, нехватки станционных оленей и лошадей и отставания других групп экспедиции из-за разлива рек и сильных ветров. Вести астрономические наблюдения Веберу не всегда удавалось из-за переменчивой погоды.

До Якутска доехали относительно хорошо, а потом началось хождение по мукам: то лошадей им не дают, то проехать дальше нельзя, то заказанные в Петербурге товары не подспели. Три с половиной месяца ученые добивались до первого пункта своего маршрута. Очень трудно

оказалось нанять проводников из ламутов и местную женщину, которая должна была ставить и собирать юрту, готовить еду и стирать белье. Сопровождал отряд переводчик для общения с местным населением, а также один казак и два конюха. Только 23 июня они, наконец, смогли приступить к съемке побережья.

1 августа 1909 года Вебер записал в своем дневнике, что зажег костер из охапки хвороста на берегу Ледовитого океана и в одиночестве спел несколько швейцарских песен. В пути им не только приходилось проводить систематическую съемку и геологическую разведку местности, собирать этнографический материал, но и просто работать конюхами, грузчиками, погонщиками оленей, когда кто-то из проводников заболел.

В середине октября отряд прибыл к мысу Рыркайпий – двурогому скалистому выступу из относительно ровной береговой линии, расположенному к югу от острова Врангеля. Мыс был впервые описан английским исследователем Джеймсом Куком (1728-1779) и назван «Нордкап» («северный мыс»), так как это была самая северная из достигнутых им точек. Ф.П. Врангель в 1823 году дал двойному мысу двойное название: «Рыркайпий – Северный». «Рыркайпий» с образного чукотского языка переводится приблизительно, как «где-кончается-проход-моржей», или «лежище моржей». Действительно, неподалеку отсюда на побережье Чукотского моря расположено место, где в большом количестве собираются для отдыха ластоногие млекопитающие.

В эпоху неолита в этом месте находилась стоянка морских охотников-зверобоев, следы ее видны и сегодня в мерзлоте береговых отложений, которые летом подмывают морские волны между двумя утесами.

И. Толмачев решил дать этим скалам имена своих спутников: «Мыс Рыркайпий или Северный оканчивается двумя обособленными безымянными утесами, которые я назвал в честь моих товарищей по экспедиции – западный «утесом Кожевникова», восточный – «утесом Вебера», как это показано на прилагаемой выкопировке из нашей съемки... Рыркайпий является важным населенным пунктом Чукотского побережья и в истории нашей экспедиции играл большую роль».

Именно здесь отряд разделился: отмороживший руки Кожевников вернулся на Колыму, увозя собранные этнографические коллекции. Толмачев с Вебером отправились дальше в сторону мыса Сердце-Камень. Продолжать съемку не представлялось возможным: погода в ноябре стояла отвратительная, дороги – в ужасном состоянии, настроение путников – не из лучших. На мысе Сердце-Камень им сообщили, что российский корабль, который должен был забрать их в Петербург, уже побывал здесь в сентябре и, не найдя их, отправился назад.

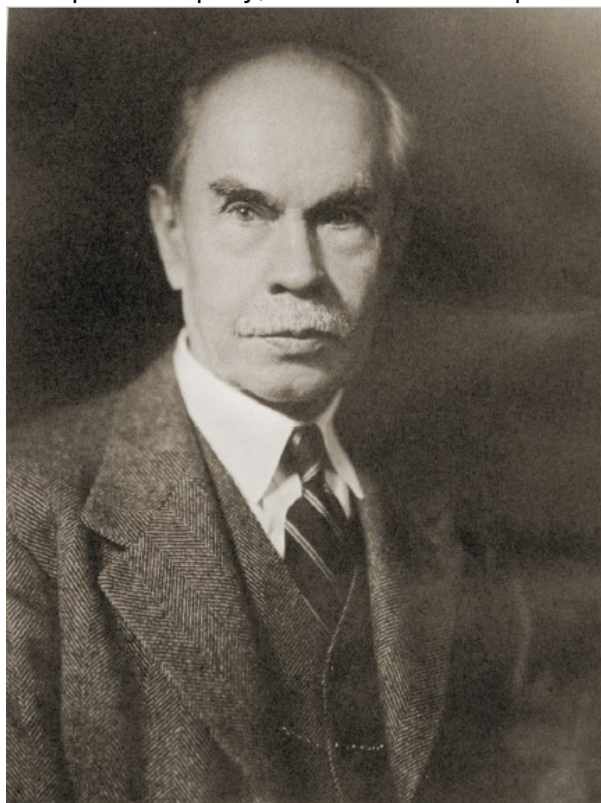
Исследователи продолжили свой путь на восток: в декабре 1909 года они добрались до мыса Дежнева, где их радушно встретили в маленькой русской колонии. От этой крайней восточной точки Чукотского полуострова до мыса Принца Уэльского на Аляске (крайней западной точки

Северной Америки) – всего 86 километров. В этом месте Толмачов с Вебером решили, что в основной своей части их задача выполнена и стали думать о возвращении. С минимальной поклажей, в запряженных собаками санях, исследователи отправились в обратный путь. На этот раз дорога не отняла у них много времени, так как по всему тракту о проезде экспедиции из Колымска было разослано циркулярное предписание якутского губернатора, и путники везде встречали полное содействие.

По дороге узнали, что Кожевников терпит страшный голод вместе с местным населением в районе мыса Шелагского. Ему на подмогу был отправлен Вебер. Толмачев сообщил коллеге, что вызвал по телеграфу нарты с провиантом, а сам отправился дальше. К своему ужасу, в назначенном пункте Вебер провианта не обнаружил. Швейцарец не строил иллюзий относительно опасности сложившегося положения. Отправившись на поиски туземных жителей, он нашел двух кочевников-чукчей, которые доставили его назад, на мыс Дежнева, преодолев около 800 километров. Голодный и полузамерзший, Вебер расстался со своими спасителями, поблагодарив их со слезами на глазах, и обратился к местным русским жителям.

Из разговоров с ними он узнал, что из Владивостока вышел корабль с заданием дойти до мыса Дежнева и, если это будет возможным, разыскать господина Вебера, пропавшего где-то на сибирском берегу, и взять его на борт.

Удача продолжала сопутствовать Веберу, так как вскоре он оказался на борту посланного за ним корабля, который доставил его во Владивосток. Там наш герой увидел в газете сообщение, что он, очевидно, погиб или пропал без вести в Восточной Сибири. В то время в этих краях было много беглых заключенных, а потому к заверениям швейцарца, что он участник российской картографической экспедиции, отнеслись настороженно.

К счастью, все разъяснилось благодаря находившемуся во Владивостоке почетному консулу Швейцарии, который установил его личность. После стольких приключений, в августе 1910 года цюрихский геодезист вернулся в Санкт-Петербург.

Позднее, решением Петербургской Академии наук Вебер получил за свою сибирскую одиссею

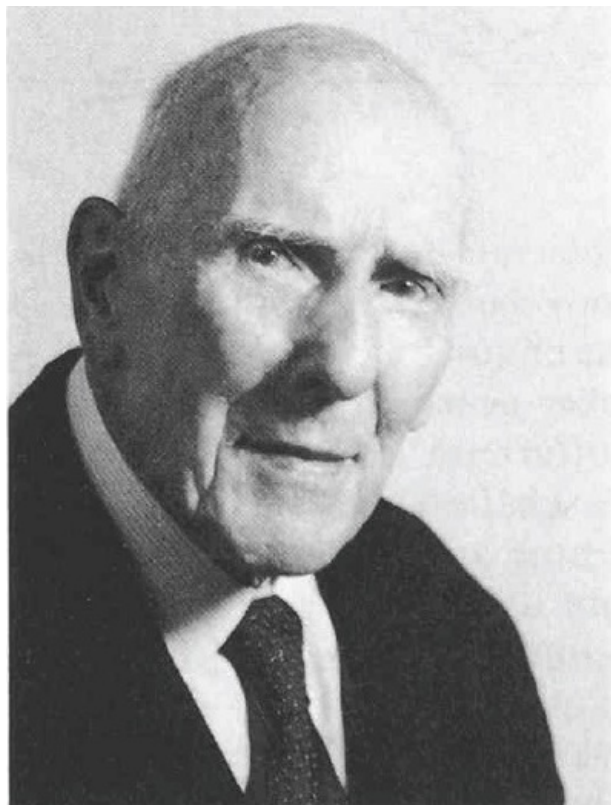
78 месячных окладов. В Академии особо отметили прекрасно проделанную работу и собрание важнейших картографических данных.

История возвращения Карла Вебера из экспедиции напоминает сюжет повести Николая Лескова «На краю света», в которой он рассказал, как попавшего в пургу в якутской тундре православного епископа-миссионера спас от голодной смерти буддистский якут-проводник, как русский проповедник многому научился у детей природы, как стал отстаивать их право на жизнь по обычаям предков, в согласии и любви с природой.

В 1911 году Толмачев издал предварительный отчет об экспедиции «По Чукотскому побережью Ледовитого океана», где подробно описал маршрут путешествия и привел массу мелких деталей, столь ценных для историков. С большой любовью он упоминает о коренных народах Восточной Сибири, восхищаясь их мужеством, стойкостью, способностью выживать в условиях жестокого севера: «Рассказывая о Чукотском полуострове, я умолчал об его населении, имея в виду сказать это теперь. Весь север Сибири заселен кочующими и бродячими инородцами. На Чукотском полуострове живут чукчи, заходящие западнее Колымы. В бассейне этой реки к ним присоединяются ламуты, а также ряд теперь почти уже вымерших племен... Кроме того, по всему северу между Анабаром и Колымой живет немало якутов... Для всех них северная тундра – родная кормилица, и только на зиму они отходят к югу – в леса... Все это население базируется исключительно на Сибирской железной дороге, и страшные расстояния от нее в чудовищных размерах увеличивают стоимость доставляемых на север продуктов с одной стороны, а с другой – совершенно не позволяют вывоза малоценных продуктов. Владивосток получает мясо из Австралии, а на берегу Ледовитого океана множатся многотысячные табуны оленей, которых здесь никто ни лечить, ни предупреждать не умеет. Ледовитый океан является естественной базой для инородцев при их натуральном хозяйстве... Можно ожидать, что с регулярным появлением пароходов у берегов Ледовитого океана здесь увеличится и появится, где его нет, и русское население. Север вовсе не так беден, как думают, но жить там, опираясь только на далекую железную дорогу, очень трудно и дорого. Американцы с выгодой для себя обслуживают своими товарами восточную часть Чукотского полуострова и деятельно пробираются на запад к Колыме, где несколько лет тому назад один из них получил даже исключительное право на торговлю, им, однако, не использованное. В силу этого, устройство торговых предприятий является не только промышленным, но и национальным государственным делом, затраты на которое не так уж велики...»

Каково сегодня будущее этого огромного, богатого края, который подавал такие большие надежды в начале XX века? Население Чукотки и соседних областей пользуется благами цивилизации, времена Толмачева и Вебера сейчас вспоминают разве что в музеях, библиотеках и архивах. Разрушенное после развала Союза народное хозяйство Севера постепенно, кажется, возрождается, но неустойчивость экономического положения по-прежнему осложняет работу пионеров Заполярья.

Время идет вперед. На мысе Рыркайпий (сейчас это Иультинский район Чукотского автономного округа) расположено национальное чукотское село, здесь работает оленеводческое хозяйство, открыта школа-интернат. Когда в 2008 году закрылся расположенный по соседству крупный поселок Мыс Шмидта, где еще лет десять назад действовал аэропорт, военный городок, промышленные предприятия, школу оттуда перевели в Рыркайпий (сегодня ведется работа по восстановлению поселка Мыс Шмидта).

«... Дай Бог, чтобы интерес к северному пути не заглох, и чтобы общество смотрело на работы в этом направлении как на неотложное и русское дело. В этом наша вера, наша надежда, наша награда за понесенные труды и бывшие разочарования», - эти слова Толмачева звучат, как завещание. По иронии судьбы академика в скором будущем ждала эмиграция: после революции 1917 года он уехал в Соединенные Штаты. Теперь уже с другой стороны - тихоокеанской - он мог наблюдать за освоением крайнего Севера и Сибири в Советской России. В 1949 году он опубликовал книгу «Siberian Passage, an explorers search into the Russian Arctic» (англ.: «Сибирский переход: исследование русской Арктики»). Через год его не стало.

Эрнст Карл Вебер тоже поторопился покинуть Россию: занимался картографической работой в Азии, Австралии и Румынии. Позднее преподавал в нескольких высших учебных заведениях Стамбула, Тегерана, Басры и Багдада (с 1934 по 1951 год). Пересеклись ли еще раз вдали от российских берегов их с Толмачевым жизненные пути? Одно известно точно: после долгих странствий в 1957 году Вебер вернулся в родную Швейцарию и шестнадцать лет спустя скончался в Цюрихе.
